

**Ольга Рэйн
Денис Тихий
Наталья Колесова**

КИПЯЩЕЕ МОРЕ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

Рэйн, О., Тихий, Д., Колесова, Н.

Кипящее море / О. Рэйн, Д. Тихий, Н. Колесова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. – 416 с. – (Аква).

ISBN 978-5-521-92006-8

Грядёт большая война. Мир изменится. Но пока ещё он прежний, и люди в нём дышат и любят.

В романе «Кипящее море» Ольги Рэйн и Дениса Тихого мы узнаем, как сложились судьбы героев первых историй Юга Аквы и встретим новых, неожиданных и дерзких.

Повесть Натальи Колесовой полна волшебства и надежды, её персонажи не боятся смелых поступков и спешат вслед за радугой. Догонят ли?

BIC FC
BISAC FIC009000

Ольга Рэйн
Денис Тихий

Кипящее море

Часть 1

КРОВЬ НА ЗОЛОТЕ

1

День, когда Микаэре едва не потерял Тайру, рассыпался в его памяти на пёстрые сценки – будто развешенные для просушки одежды красавиц Морского гарема, всех цветов, форм и плотностей. Бьются полотнища на ветру, путают яркой паутиной, не рассмотреть – кто за ними, не со злым ли умыслом крадётся?

Микаэре держит голову обеими руками, чтобы не укатилась. В стену врезано золотистое зеркало в затейливой оправе, оно показывает Микаэре заплывшее лицо с тёмной щелью правого глаза, с разбитым ртом. Он качает головой, и боли в ней прибывает, вот-вот выплеснется через уши или глаза. Пальцы нащупывают мокрую шишку на темени. Грязно, длинно ругается Микаэре – поминает он и всеокеанского бога Моана, и алонкейскую ипостась его, что называют Номосом, и различные срамные места их божественных тел, и крупных зубастых животных, которых туда им стоило бы засунуть. Но ругается вполголоса – вдруг боги услышат?

Тихо, осторожно, будто бредя против течения, Микаэре пересекает комнату, отодвигает лаковую ширму. В янтарном свете

лампадки на низком ложе лежит молодая девушка с очень светлыми, почти серебряными волосами. Она ровно дышит. Она спит.

Микаэре вдруг понимает, как устал, ужасно устал он за этот нескончаемый день. Спящая поворачивает голову, и Микаэре видит багровую вздувшуюся полосу поперек её белой шеи. Он опускается на ложе у ног девушки, двигается осторожно, чтобы не задеть разбитую голову. Засыпая, он легко, нежно сжимает её тонкую щиколотку. Она, не просыпаясь, шарит рукой – ищет Микаэре, не найдя, вздыхает.

– Я здесь, Тайра, – шепчет он, не открывая глаз. – Всё хорошо. Спи, любимая, *эте ароха*...

Тайра послушно спит. Микаэре спит. Рана на его голове сочится кровью, красным подмокает затканное золотом покрывало.

В комнату заглядывает молодой мужчина, очень похожий на Микаэре – но выше и мускулистее. На поясе у него оружие, в глазах тоска. Он проверяет спящих, прикрывает дверь, мрачно оглядывается.

В красноватом свете единственной луны мерцают борта серебряной ладьи. На борту лишь несколько человек, почти весь Морской гарем остался на берегу. Среди костров и шатров мелькают тени, слышен дальний рокот беспокойных женских голосов, как тихое гудение потревоженного улья.

– А-э! – зовёт его тихий голос.

Человек оборачивается. От лестницы, ведущей на нижнюю палубу, где спят раненые девушки, к нему приближается тоненькая фигурка, очерченная неярким лунным светом. Это юноша с повязкой на глазу, высокий, почти наголо стриженный. За ним крадётся зверь – чёрная пантера скользит в тенях, сама как тень. Но ни мужчина, ни мальчик не удивляются огромной кошке – значит, ей позволено быть тут, среди людей, на серебряном корабле в чёрном ночном озере.

– А-э! – снова говорит мальчик. Так звучит имя «Андель», если его говорит человек, которому отрезали язык.

Юноша подходит ближе, кладёт руку на плечо Анделю. Рука тоже пострадала когда-то, на ней не хватает трёх пальцев,

оставлены только большой и мизинец – чтобы можно было выполнять простые работы. Андель поворачивает голову, прижимается к страшной руке сухими губами.

– Оба наконец уснули, – говорит он.

Девушка – конечно, это девушка – черты её юного лица тонкие, чистые, скулы высокие, да и маленькая грудь угадывается под жёлтым шёлком – жестикулирует обеими руками.

«Ты не виноват», – показывает она.

Он пожимает плечами. Если воин не оказался в нужном месте в нужное время, и пострадали те, кого он должен был защитить – виноват ли этот воин?

«Это я виновата. Дура».

Она с досадой отворачивается, смотрит на берег. Пантера низко, почти неслышно рычит, чуть обнажая клыки.

Андель открывает рот – спросить, почему же Зойи не отправилась утром в поход, а осталась чистить котлы и делать грязную работу – но осекается. Знает, что ему не понравится ответ, даже если девчонка ответит. Вместо слов он тянется к ней, обнимает, целует в бритый висок. Она на секунду поддаётся в его тело, мягкая, нежная – но тут же застывает, отстраняется дрожа. Андель подавляет глубокий вздох, почти стон.

– Как раненые? – спрашивает он, чтобы не тянулась между ними эта жёсткая пауза, стена из холодного воздуха.

«Спят. Женщин Тоулега непросто убить».

– Я знаю, – говорит он, и на его мрачном лице мелькает слабая улыбка. Они стоят рядом у борта ладьи, чуть соприкасаясь плечами, и смотрят, как переливается на чёрной воде розоватая лунная дорожка.

На берегу суета и разговоры наконец умолкают, поднимаются и падают входные полотнища шатров, и, выставив пару зевающих часовых, Морской гарем засыпает.

Спят красавицы Тоулега, бывшие рабыни Бессмертного Нихаба – кому-то из них снится дом, много лет назад покинутые родители, братья-сестрёнки, детские секретики, любимая

дерзкая козочка, верный пёс, всё то, что пришлось оставить, когда на пороге встали гонцы фараона. Кто-то гуляет в прекрасных садах Нерушимого Дворца – под огромным стеклянным куполом журчат прозрачные ручьи, качаются на ветках дивные фрукты. Кто-то выбирает снасти, жмёт рычаги, чтобы повернуть по ветру тяжёлые паруса, а потом взбирается на мачту, смотрит на невыносимо яркую синеву океана, которая вся – свобода, бесконечность, одиночество. Спят красавицы, каждая в своём мире, в чаяниях и мечтах.

Лишь одна не спит – боится, раскаивается. Тихо лежит, отвернувшись к стене шатра, слезы сочатся из-под век.

Микаэре снится – он поднимается с золотого ложа, тело слушается легко, ничего не болит. Он выходит на палубу, прыгает с борта в прохладную воду и плывёт по озеру. Обе луны, Сохо и Рохо, в зените, жёлтый свет мешается с красноватым, и вот круги светил становятся глазами огромной птицы – та ныряет вниз, разевая чёрный клюв, и проглатывает Микаэре целиком. Секунда темноты – и он сам становится птицей, Крылом Бури, синим оркланом, что когда-то унёс его с родного острова.

Из-под облаков видит Микаэре – вот чёрное зеркало озера внизу, на берегу стоят шатры и палатки, горят костры, сушится бельё. Выше, выше поднимается Крыло Бури – вот уже лежат под ним и другие озёра, холмы, бесконечные топи заброшенного, запретного материка Омахапа, а вокруг океан дрожит обманчивым, гибким серебром. Каменным крошечном рассыпаны по нему острова и архипелаги, шестнадцатью лепестками лежит на воде прекрасный город алонкеев Ачтаплис, Цветок Океана. Вот уже видит Микаэре до самой Границы Ада, и весь мир, Таплис, замыкается ею, плывёт по Изнанке Мироздания, как мыльный пузырь по воде. Под взглядом Микаэре пузырь лопаётся и исчезает, становится темно. Микаэре спит до утра.

2

В день, когда вооружённые незнакомцы пришли её убивать, Тайра проснулась рано.

Уже несколько дней ей снились «дымные», пророческие сны, но в памяти не удерживались; предупреждения судьбы таяли от сонного дыхания Микаэре рядом с нею, радости его тепла, сладости его прикосновений.

«В Круге Дыма мы редко создаём семьи, – говорила ей когда-то бабушка Олла. – От любви Дым рассеивается».

Но не нужен Тайре Дым, не могла она теперь без Микаэре – он ведь за нею на Изнанку нырял, сам чуть там не остался, у смерти отбивал, обратно на свет вытаскивал. Дня не проходило, чтобы Тайра не вспоминала, как многие месяцы прорастала изнутри сквозь её тело безжалостная розовая плесень, *серра-ци*, от которой плоть расплзается, словно мокрый хлеб.

Нет в мире ни смерти страшнее, ни ожидания ужаснее.

Тайра прижала отголоски тянущей боли рукой, от локтя которой руслами древних рек к запястью бежали шрамы. Нет вас, нет больше. Есть лишь память тела о прошлом страдании...

Микаэре проснулся, сел рядом зевая, напился воды и передал и ей пиалку. Погладил её по голове, задержался пальцами на концах длинных волос.

– Как серебряный шёлк, – сказал он, и Тайра услышала в глубине его голоса низкую ноту пробуждающегося желания. Её тело тут же откликнулось, словно дрожь одной струны заставила звучать другую.

– Вся ты – драгоценное серебро.

– Уже не серебро, – ответила она, на всякий случай отставляя пиалку подальше, на низкий столик.

Посуда эта была вдвойне драгоценна для них обоих: ведь её когда-то сделала и расписала мать Микаэре, Кири, с родного его, чудесного, навсегда ему заказанного острова Тангата. Дивной красоты изделия получались у знаменитой мастерицы, но самым лучшим, самым драгоценным из них был для Тайры Микаэре. Вот он встал перед нею, голым, как спал – в ярком утреннем свете из круглых окон его кожа казалась золотом, серые глаза смотрели требовательно и призывно, и Тайра зазвучала сильнее, уже всеми струнами, всё громче и громче.

– Встань, – попросил он хрипло. – Я хочу видеть тебя всю.

Она поднялась с ложа, провела руками по своему телу, радуясь его гладкости, юности, наливной тяжести белых грудей, ещё недавно сохшихся и плоских.

– Ты такая красивая, – сказал Микаэре. – В одежде или без – я не могу смотреть на тебя и не хотеть быть с тобою. Мне даже иногда больно от этого вот здесь, – он показал на свою смугло-золотую грудь, где сердце билось так сильно, что Тайра видела биение сквозь мышцы и кожу.

– Иди ко мне, – сказала она тихо.

Вместе они – золотая струна и серебряная – сыграли короткую бурную музыку, потом долгую, пронзительно-нежную, а когда Тайра, снова проснувшись, уже ходила по комнате, собирая разбросанную вчера одежду, оказалось, что у Микаэре припасена была ещё одна мелодия, только для неё одной.

Небо было ярким, воздух – чистым, и только в далёкой высоте ветер, тёплое дыхание Номоса, торопил над Омахапой пушистые перистые облака, словно перегонял из одного мира в другой отару послушных небесных овец. Гладь озера мирно лежала под ладьёй, серая, как глаза Микаэре. Часовыми навывтяжку стояли вдоль долгого берега высокие сосны с красноватой корой, заканчиваясь там, где начиналась гора.

Тайра спустилась с ладьи по коротким сходням. У берега на распорках из прутьев вялилась озёрная рыба, на большой раме сохла ряска. И то и другое пахло отвратительно. Отовсюду слышались голоса, смех, весёлые перебранки. Тайра проходила между шатров, кивая и улыбаясь тем, кого видела – девушки здоровались, улыбались ей в ответ.

– Доброго утра, царица, – говорили многие.

«Царица» звучало немножко насмешливо, но с любовью, словно ласковое семейное прозвище. Нельзя же было всерьёз думать, что умирающая молодая женщина, которую когда-то, в последнюю свою минуту, назвал женой фараон Нихаб, действительно стала от этого царицей огромного архипелага Тоулег.

Двести и десять и четыре года прожил на свете золотой фараон, пользуясь оставшимся во дворце хрустальным гробом предков, сон в котором возвращал телу время прожитого дня. Гроб следовало кормить живым янтарём, источник которого находился под дворцом, и Нихаб, старея, начал грабить свой народ – не хватало больше городу янтаря ни на освещение улиц, ни на согрев жилищ, ни на подачу воды по трубам. А фараон всё жил и жил, много раз похоронив друзей, врагов, помощников, возлюбленных, детей, внуков и правнуков. Из его потомков осталась лишь одна – девочка в жёлтой хламиде, та, что теперь отзывалась на имя Зойи и служила Тайре. Долог был век фараона Нихаба, много он совершил хорошего и плохого, да и какою мерою мерить бессмертных правителей? Как разделить их добро и зло, даже если добро и зло на самом деле существуют? Лишившись хрустального гроба, Нихаб не стал ждать смерти во дворце – уплыл на ладье в последнее своё путешествие, спас умирающую Тайру и любил её, свою последнюю женщину, так искренне и нежно, будто самую первую. Тайра тоже полюбила его – не так, как теперь любила Микаэре, но были в том чувстве и радость, и благодарность, и наслаждение. Оно продлилось недолго – корабль подошёл к Границе Ада, и туда, в стену зелёного пламени, направил свою одинокую лодку великий Нихаб, навсегда исчезнув из мира живых¹.

Но Тайра помнила о нём.

У большого костра в центре лагеря стояли низкие столы из свежих досок, на траве лежали циновки, подушки, стояла посуда с остатками завтрака. Тайра зачерпнула из котла солёной рыбной каши, присела на циновку. Ела жадно, будто умирала от голода – ещё недавно она много месяцев не могла ничего толком проглотить, теперь молодость и жажда жизни навёрстывали упущенное. Позади неё прошелестел шёлк, мягко шелохнулся воздух.

¹ Подробнее о встрече, приключениях, бедах и долгом пути друг к другу Тайры и Микаэре можно прочитать в повести «Глина и серебро» (Аква. Юг. т. 2: «Люди моря»)

– Идём ли мы сегодня за живолостью, царица? – спросила, усаживаясь рядом, невысокая полная женщина дивной красоты. Юма прожила во дворце Нихаба гораздо дольше остальных, но годы, казалось, не могли её коснуться. Раскосые янтарные глаза смотрели с юного, гладкого лица безмятежно и немного растерянно. Впрочем, Тайра уже успела узнать и оценить её острый ум и наблюдательность, которой могли бы позавидовать многие радисы Круга Серебра, гордые своим умением читать людские страхи и чаяния. Годы не расписали лицо Юмы морщинами, но наградили её большим опытом, которого порою не хватало Тайре – и та научилась ценить нечастые, точные слова Юмы. И слегка остерегаться её саму, как красивого таинственного хищника себе на уме.

Но сейчас они просто сидели бок о бок и пили свежий ароматный чай из трав, набранных вокруг озера.

– Прошлой ночью к Нике кто-то ночевать приходил... – сказала Юма задумчиво. – И пока ещё не ушёл, спят.

Красноволосая Ника, чья сестра-близнец в последний момент передумала и решила остаться на Таричесе, очень скучала по ней, бродила одинокой неприкаянной тенью, половинкой пары. Кто же утешил девушку, согрел прохладной ночью? Тайра с любопытством повернулась к большому зеленоватому шатру, поставленному недавно из найденного неподалёку странного болотного материала – рыхлая ряска схватывалась поверх воды и, если удавалось её поднять не разорвав, высыхала в удивительно прочное и лёгкое подобие ткани. Гнилой болотный запах, впрочем, изгнать из чудо-ткани пока не удавалось.

* * *

Об Омахаве алонкеи, даже такие, как Тайра, рождённая в высокой семье, знали мало, об этой земле не говорили. Хотя попадались в библиотеках Школы Серебра заплесневелые, чуть ли не пером писанные книги, например, трактат «Правдивые краткие слова о запретной земле Омахавы, куда заказан путь ныне живущим». Тайра его читала, прихлёбывая вино из тайком

